

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН

16 июня 2000 года во ВГИКе на открытом заседании Ученого совета состоялась церемония вручения диплома о присуждении звания «Почетный доктор ВГИК им. С.А. Герасимова» выдающемуся итальянскому кинодраматургу, эссеисту, прозаику и поэту Тонино Гуэрра.

Это звание присуждается зарубежным кинодеятелям за их вклад в национальную и мировую художественную культуру, в воспитание молодых кинематографистов и развитие международных связей ВГИКа; его были удостоены польский кинорежиссер Кшиштоф Занусси, французский кинооператор Анри Алексан, американский продюсер Джек Валенти, корейская актриса Ким Жи Ми.

Работая в кинематографе с 1953 года, Тонино Гуэрра является автором сценариев к кинофильмам, вошедшим в золотой фонд классики мирового кино. Для Микеланджело Антониони он создал сценарии к фильмам «Приключение» (1960), «Ночь» (1960), «Затмение» (1961), «Красная Пустыня» (1964), «Блоу-ап» (1967), «Забриски поинт» (1970), «Тайна Обервальда» (1980). Совместно с Федерико Феллини написал повесть «Амаркорд», экранизированную в 1974 году. Гуэрра сотрудничал со многими итальянскими режиссерами, а также с российскими — Андреем Тарковским, Владимиром Наумовым, Алексеем Хржановским. Гуэрра является также автором нескольких книг стихов, эссе и рассказов, изданных и в России.

ТОНИНО ГУЭРРА — ПОЧЕТНЫЙ ДОКТОР ВГИК

Ректор ВГИКа Александр Новиков так приветствовал нового почетного доктора:

— Несколько поколений поклонников кино в нашей стране на протяжении почти 50-ти лет остаются свидетелями и в некотором роде соучастниками фантастической экранной судьбы Тонино Гуэрра — начиная с неореалистической ленты «Один гектар неба» и кончая последней пока картины Микеланджело Антониони «За облаками».

Мало кто из присутствующих здесь может похвастаться тем, что смотрел в прокате «Гектар неба» — картину, которая стала дебютом сценариста Тонино Гуэрра в Советском Союзе, почти наверняка никому из нас не пришлось посмотреть настоящий дебют Тонино — снятый за год до «Гектара...» фильм Джузеппе де Сантиса «Люди и волки».

Это было трудное для кино Италии время, когда великие мастера неореализма переживали кризис, когда де Сантису пришлось снимать свои картины за границей, когда торжествовал эрзац великого кинематографа — «розовый неореализм». Казалось, итальянское кино снова ожидает небытие.

К счастью, новое поколение, те, кто прошел «академию» де Сики и Дзаваттини, Висконти и де Сантиса, не дали этому произойти, и кинематограф Италии сохранил величие и даже приумножил свою

общечеловеческую значимость. Он остался демократичным, добрым, неравнодушным к страданиям отдельной личности и к проблемам современного мира — материально столь прогрессирующего и так стремительно теряющего одухотворенность, ясность целей и ощущение бесконечной хрупкости той красоты, которая создавалась веками и может быть утрачена в одно мгновение. Гуэрра — один из первых среди тех, чьи талант, вдохновение и преданность искусству экрана помогли итальянскому кино преодолеть все. 60 сценариев Гуэрры можно считать самым лучшим гидом по истории послевоенной Италии и по истории ее кино от неореализма до наших дней — истории социальных сдвигов и кинематографических поисков, гимнов человеческой солидарности и констатации человеческого одиночества. (...)

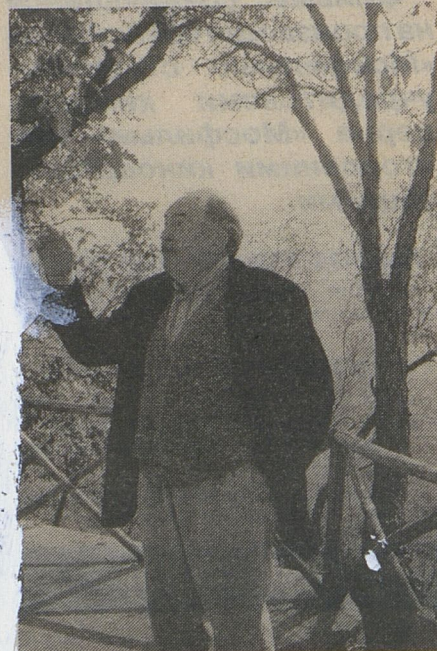
Современник Гуэрры, итальянский писатель Итало Кальвино, сказал: «Тонино Гуэрра превращает все в рассказ и в поэзию». Ученик и последователь неореализма, Гуэрра воссоздает жизнь и повседневность с почти репортажной точностью, но эта жизнь обретает у него глубину взгляда философа и метафоричность взгляда поэта, с сердечной мукой наблюдающего за трагическими разломами XX века в мире и в отдельной человеческой душе.

Мы знаем, что Гуэрра, который многое перенес и познал на собственном опыте, был и остается другом нашей страны, нашей культуры, нашего кино. Мы знаем, какую благородную, высокую роль сыграл он в трудные для Андрея Тарковского дни и годы. Мы знаем, что много тепла, творческого бескорыстия подарил Гуэрра другим российским режиссерам — Владимиру Наумову и Андрею Хржановскому. Мы знаем, что искусство, особенно кино, для него всегда было и останется способом объединять людей, страны и народы, заставляя нас сопереживать одинокой, ищущей и не теряющей надежды личности.

Одно только знакомство с творчеством Тонино Гуэрры — это уже серьезная школа, настоящий университет киноискусства для молодых кинематографистов. Однако выдающийся мастер много сил отдает непосредственно педагогике. Своей убежденностью в идеалах гуманизма, громадным творческим опытом он на протяжении многих лет щедро делится с начинающими кинематографистами. Для многих студентов ВГИКа встречи с Тонино Гуэррой на мастер-классах, на экзаменационных показах в наших мастерских стали важными вехами духовного взросления, профессионального роста.

Трудно найти другой столь достойный пример счастливого соединения поэтического таланта, профессионального совершенства, педагогической щедрости и душевной высоты.

«К старости человек становится сентиментальным», — сказал Тонино Гуэрра в ответной речи, — я все время вспоминал, как плохо в детстве играл в футбол». Молодым российским сценаристам он посоветовал «упражняться по методу Бюньюэля», который полчаса в день посвящал фантазиям и развитию воображения: «Каждый день нужно наполнять голову новыми выдумками». По словам Гуэрры, в итальянском кинематографе отсутствует такое понятие, как режиссерский сценарий: «Сценарист — это писатель, он ни-

когда и никем не должен быть унижен».

«Я никогда не хотел быть режиссером, — признался маэстро, — я всегда был рабом слова, потому что оно дает всем возможность представить любые образы». Однако, по его словам, «великий режиссер так загадочен», что, подобно писателю, заставляет участвовать в создании образа воображение зрителя. На вопрос о дальнейшей судьбе кинематографа он пошутил: «Я здесь почти святым себя чувствую», — и успокоил собравшихся:

«Пока будут рождаться великие режиссеры — будет и кино». Кинематографист считает, что в современном кино «технология пока опережает духовное развитие», однако поэтическое кино уже нельзя снимать так, как раньше: будущее — в сочетании техники и поэзии: «Я езжу на велосипеде, но я не против автомобиля».

16 марта 2000 года Тонино Гуэрра исполнилось 80 лет

Неистовый Гуэрра: «Я мечтаю

Мое личное знакомство с ТОНИНО ГУЭРРА произошло в курортном городке Римини — на родине великого Феллини, воспитан в его незабываемом «Амаркорде». Феллини и Гуэрра — земляки. Много слышала о Гуэрра как об уникальном человеке-планете, человеке-оркестре: поэте, киносценаристе, художнике, неутомимом фантазере и неистребимом романтике, жадном до жизни взрослом ребенке, влюбленном в людей и землю так, как редко теперь кто любит. Тонино восстанавливает церкви, сооружает фонтаны, озеленяет долину реки Маретты. Его легко можно сравнить с одержимым колоссальной энергией созидания космическим пришельцем, титаном, подстать великим творцам Возрождения. Неистовый Гуэрра. В этом мне посчастливилось убедиться лично, проведя по приглашению маэстро несколько незабываемых часов в его доме, в маленьком горном Пенабилле недалеко от Римини. Стоял прекрасный день начала октября. Выйдя из автобуса, я направилась к фонтану на крошечной площади старинного городка, каких по всей Италии не счесть. Здесь по особому чувствуешь время и связь человека с историей. Договорились, что меня встретит жена и друг Тонино — Лора. Кстати, она русская, москвичка, более двадцати лет — верный помощник и муза поэта. Утренняя площадь была еще пустынна. Но стоило отойти несколько шагов, чтобы купить для Лоры цветы, как я услышала ее голос у себя за спиной: «Лена, Лена! Куда вы? Тонино ждет! Он так много хочет вам рассказать, показать, мы не успеем, цветы — потом...». Ее слова прозвучали столь решительно, что я поняла: сопротивление — бесполезно. Но прежде чем попасть в дом к маэстро, Лора повела меня по извечному маршруту. Видимо, здесь так принято принимать гостей, которых ждут

особо. Никогда не забуду этого путешествия во времени и пространстве, наполненного поэзией, философией и тонким ощущением сопричастности малого ве-

ликому... На склоне горы у стен древней полуразрушенной крепости раскинулся Сад забытых фруктовых деревьев — одно из творений Тонино Гуэрры. Сад необычный. Как жаль, что я послушалась Лору и не сфотографировала это чудо из деревьев и камней! Камни, собранные в различные композиции с надписями, посвященными людям известным, в частности, Андрею Тарковскому. Есть здесь и памятник Феллини и Джульетте Мазине. Если посмотреть на композицию при определенном освещении, то видно, как тень на камне создает изображение двух целующихся голубков. Рядом Тонино посадил два дерева и написал: «Федерико Феллини и Джульетте Мазине — моим друзьям». И еще: «Ты говорил много раз, и я знал об этом, что достаточно поставить где-то простой камень и лавочку, чтобы кто-то захотел сесть рядом...». На откры-

вернуть людям любовь к природе»

тие этого памятника съехалось много знаменитостей и друзей: Антониони, Вим Вендерс... Присев на каменную лавочку, мы наслаждались в абсолютной тишине изумительным в молочной дымке пейзажем долины с характерным изгибом зубчатых гор, напоминающих спину спящего дракона (которые так любил Андрей Тарковский). Вы их узнаете на полотнах великих мастеров Возрождения. Передохнув, двинулись к дому маэстро вверх по узкой брусчатой улочке. То там, то здесь на стенах домов виднелись керамические таблички с разными философскими изречениями, которые Тонино собирает всю жизнь и воплощает в таком виде на всеобщее обозрение. Недавно его посетил тибетский Далай Лама. Ему очень понравилась эта аллея человеческих мыслей.

Еще мы заглянули в малюсенькую старинную церквушку. Здесь тоже ожидал сюрприз. Когда Лора принесла ключ от двери и мы вошли в прохладный полумрак, глазам представилась удивительная картина. В центре — знакомый цирковой круг с каменными животными, эквилибристкой на качелях над манежем. А вокруг, в ложах — раскрашенные каменные зрители наблюдали за представлением. Их создал друг Тонино, известный скульптор. Вдруг откуда-то сверху заиграла знакомая мелодия Нино Рота из «8½», и цирк ожил: «Привет, старина Федерико! Это я — Тонино!». Лора заглянула на минуту в домашнюю пекарню за хлебом, перебралась с хозяйками последними новостями, купила несколько баночек консервов и, встав под раскидистым платаном, громко позвала кого-то по имени... И тут я увидела нечто: со всех сторон к ней бросились десятки диких разноцветных длинномордых юрких кошек. Они довольно мурлыкали, ласкались своими выгнутыми спинками о ноги Лоры, приветствуя свою повелительницу и заглядывая ей в глаза. Сама Лора казалась мне в этот момент тоже кошкой. Было что-то в ее зеленых миндалевид-

ных глазах, походке, голосе кошачье. Кажется, они прекрасно понимали друг друга. Таких же кошек в несметном количестве я увидела позже в доме Тонино. Он в них влюблен. Кошки, похоже, тоже. К их присутствию здесь так же привыкли, как к многочисленным друзьям и знакомым, которые совершают регулярные паломничества в этот рай обетованный.

Хозяин ждал. Очень живой, непосредственный, энергичный, с хорошей, чуть лукавой улыбкой, Гуэрра мне понравился сразу. Я ему, видимо, тоже — потому что постоянно чувствовала на себе пронзительный взгляд его цепких глаз... Заговорив со мной, как с давней знакомой, он сразу потащил меня показывать дом. А посмотреть действительно было что. Повсюду на стенах фотографии друзей: Антониони, Феллини, Тарковский, Моника Витти, Жанна Моро... С гордостью продемонстрировал мне образцы мебели, выполненной по его эскизам с оригинальной росписью.

Наступило время обеда. Пока Лора хлопотала на кухне, Тонино, прихватив корзинку, ножницы-секатор и поманив меня рукой, отправился в сад за виноградом и инжиром. Мы продолжали беседовать во время трапезы за большим деревянным столом, покрытым плотной скатертью, расписанной Тонино, пили божественное красное вино из бутылки с этикеткой по эскизу Тонино. Он сам резал крестьянскую ветчину и сыр и учил меня есть сыр с инжиром и виноградом. А затем в его мастерской, где своеобразно уживались таджикские ковры (в которые он влюблен), старинная европейская мебель, современная скульптура и живопись (подарки друзей), мы продолжили разговор за рюмочкой домашнего ликера, рецепт которого хозяин держит в строжайшей тайне.

Когда под вечер до последнего рейсового автобуса в Римини остался час с небольшим, Тонино неожиданно объявил, что я непременно должна увидеть его последнее архитектурное творение

ВЕЛИКОГО КИНО

— фонтан «Улитка». Конечно, мне хотелось это видеть. Но каково же было мое изумление, когда оказалось, что фонтан находится ... в другом городе. Но, видимо, для Тонино не существовало слова «нет». И мы помчались, со свистом в ушах, по горной дороге через перевал. Там моему взору представилась панорама древнего городка. Машина резко затормозила на такой же крошечной центральной площади с церковью и средневековым театром, которому лет 500, не меньше. Мы вышли и замерли перед видением: словно только что очнувшись от сна, радужно переливаясь всеми цветами тончайшей мозаики, медленно выползала по перилам каменной лестницы из своих колец вечности, удивленно растопыря рожки, гигантская улитка. А над ней тонкими звонкими струйками весело бил фонтанчик... Казалось, что это сказочный сон! Не хотелось уходить. Но и здесь Тонино проявил свой необузданный темперамент, схватив меня за руку, рванулся к авто с воплем: «Лена! Бистро! Автобус!!!» И мы помчались, как угорелые, назад. И еще километров пять неслись, по горному серпантину, догнав последний рейсовый автобус, уходящий в Римини... Так закончился этот фантастический день моей жизни... Руками я крепко сжимала большой картонный конверт с литографией Тонино и его автографом. На картине была изображена прекрасная лошадь! Почему этот невероятный, прекрасный, фантастический человек выбрал именно этот мотив? Вряд ли ему было известно, что Лошадь — мой знак по восточному гороскопу. Наверное, он все-таки инопланетянин...

Из бесед с Тонино Гуэрра:

— С вами мечтали работать абсолютно различные режиссеры. Как вы думаете, почему?

— На этот вопрос должны ответить они. Могу сказать только то, что слышал от них сам: им хорошо со мной работать потому, что я — поэт.

— А вас не обижает, что в этом творческом тандеме традиционно режиссер для публики — главный? Хотя без ваших поэтических и пластических образов фильм как художественное произведение не состоялся бы.

— Меня это никогда не обижало. Работая с Тарковским, Антониони или Ангелопулосом, я искренне считал, что именно они — главные авторы фильма. Но я не скрываю, что часто оказывал им большую помощь.

— Вы лучше других знали Феллини и Антониони? Они не ревновали вас друг к другу?

— В глубине души, возможно, и была какая-то ревность. Но возможно они выражали большое уважение друг к другу. Что касается меня, то что-то, наверное, было тоже. Целая жизнь связывает меня с обоими. Но это всегда кончалось шуткой, репликой, полной иронии. Например, Антониони родился в Ферраре — это Эмилия. А Феллини — в Романии. Но вообще весь район этот называется Эмилия-Романия. И Феллини иногда мог сказать мне как бы с упреком: «Ага, ты опять работаешь с этим эмилианцем?!»

— Часто ли вы разочаровывались, видя уже готовый фильм? С кем вам работалось легче?

— Это очень деликатный вопрос. Я же никогда не скажу, с какой женщиной у меня был роман. Но вам скажу. Абсолютно

честно. Я хочу быть честным в жизни. Некоторое разочарование я действительно испытывал в конце работы над фильмом. Но иногда результат был лучше, чем мой сценарий.

— Как вам работалось с Андреем Тарковским, Владимиром Наумовым, Анд-

реем Хржановским? Трудно ли находить общий язык, говоря на разных языках?

— Мне очень повезло с вашими режиссерами. Они все — очень талантливые и не похожие друг на друга художники.

— Когда началось ваше знакомство с Россией?

— В моей жизни был момент, когда мне стал необходим снег. Мне было очень грустно в Риме. И в этот момент я встретился со своим другом, философом Гватари. Он посмотрел на меня и сказал: «Тонино, тебе нужен снег». Возможно, ему вспомнился мой рассказ — воспоминание о снеге в детстве, который иногда выпадал в Римини. Но самое смешное произошло со мной, когда я приехал в Россию... летом. Снега я не встретил тогда. Но зато встретил Лору! И с тех пор продолжается эта история, которая занимает больше двадцати лет моей жизни. Этот роман с Россией стоил мне отказа от работы над несколькими фильмами Феллини. С ним меня связывает вся жизнь. Мы же оба из этих мест. Он — из Римини. Я из Сантарканджело. Недавно в старинном подвале моего города я открыл в честь Федерико рестораничик La Sangiovese и украсил его рисунками. Когда я заболел снегом, на все недоуменные вопросы Феллини я отвечал: «Я должен ехать в Россию». Хотя кое-что я все же сделал для его фильмов: написал финал «Репетиции оркестра», для «Казановы» — поэму о женском сексуальном органе. Она вошла в фильм.

— Это Россия вдохновляла вас на такие чувства?

— Тогда еще нет. Россия, которую я встретил и открыл для себя, — это прежде всего люди, которые любили поэзию, литературу. Меня поразили ваши читающие таксисты. Возможно, таким образом вы хотели убежать от экспансии коммунизма. Недавно мы с Лорой вновь посетили Москву. Москва стала великолепна. Дома — прекрасные. Но люди стали менее интересными. Они далеки от поэзии жизни и, к сожалению, не слышат ее. Думают о долларах. Как ни парадоксально, при коммунистах ваши люди были более духовными. Ваше общество очень агрессивно входит в мир потребительства. Здесь все хотят всего, всем недовольны. Я думаю, молодые уже больны этим недугом. Потерянные идеалы. Нет больше общей мечты. Видите, я ворчу как старик. Может быть, шум дождя, может быть, листья на ветру, может быть, запах травы после дождя, а может быть, и ничего. Пустота. Человек может выбрать, что он хочет.

Я оптимист. Мне бы хотелось (возможно, потому, что по первой своей профессии я — педагог) как-то намекнуть, помочь увидеть истинную суть вещей. Но я вовсе не религиозный проповедник. Может быть, это единственный способ помочь победить страх смерти.

— Вы боитесь смерти?

— Нет. Но я хочу, чтобы и другие люди не боялись смерти. Напри-

XX ВЕКА

СК. Новости — 2000 — 23 июня — с. 8-9

мер, у меня есть идея изменить все кладбища. Чтобы люди не боялись их. В Италии масса покинутых сельских кладбищ. Мэрии городов могли бы предложить горожанам заботиться об этих заброшенных кладбищах. Красивый пейзаж и смена времен года должны привлечь людей. Люди будут приезжать навещать могилки своих родственников, а заодно смогут отдохнуть от городской суеты.

— А как вы заслужили такой необычный титул «президент реки»?

— Я написал поэтическое обращение к мэрам девяти городов, расположенных по берегам реки Маретты: кто хочет быть друзьями реки? И собрались люди, и избрали меня президентом реки. Когда мы говорим о нарушенной экологии, о том, что засорена природа, я думаю, что самая страшная разруха произошла прежде всего в умах человеческих. Я мечтаю вернуть людей к любви к природе.

— Вам нравится ваша необычная должность?

— Когда делаешь что-то хорошее для других — это лучший способ остаться в памяти людей. Мне нравится восстанавливать старинные церкви. Таких заброшенных церквей довольно много в Италии. Для одной из них я придумал легенду о том, что Мадонна, покровительница этой церкви, поощряет тех, кто ее чтит. Вот тогда люди стали давать деньги. Церковь была восстановлена. Но это не вся история. Я попросил своего друга, крупнейшего итальянского скульптора Фомодоро сделать врата в церковь. Сегодня церковь стала местом настоящего паломничества жителей всего района. Я придумал музей одной картины. В этом музее не было ни Рафаэля, ни Микеланджело; я решил: значит, должна быть только одна картина, но особая. Я придумал сюжет, а местный художник написал ее. Речь идет о странном ангеле, который не знал, что делать, летал над хижиной охотника и давал чучелам птиц есть зерно. Все смеялись над ним, говоря: «Если даже на земле он ничего не смыслит, то, наверное, и Богу ничего не может принести полезного. Так он глуп». Но в один прекрасный момент чучела этих птиц ожили и полетели. Идея такова, что фантазия и надежда творят чудеса. Если очень поверить в то, что птицы живые, то они обязательно когда-нибудь полетят.

Каждый день у меня рождаются новые идеи. Например, сейчас я собираю прекрасные мысли.

— Свои или чужие?

— Чужие. Мне очень нравятся изречения монахов Востока. Например, такое: «Можно ли сделать что-то большее, чем банальное совершенство?». Что может быть больше, чем совершенство? Только ошибки. Ошибки — это слабость человеческая. И гениальность.

Тысячу вещей придумывает и делает Тонино. Например, он предложил мэрам городов: «Давайте раскрасим нашу реку во все цвета радуги. Каждый из мэров возьмет по сто метров берега реки и засадит поле разными цветами».

— С какими проблемами вы сталкиваетесь чаще всего?

— Основная проблема — равнодушие и стареемость мыслей. Я говорю, например, мэрам этих городов: нельзя разрешать людям строить белые дома в горах, потому что разрушается гармония природы. Эти дома, как вставные зубы на лице прекрасной девушки. Все эгоисты и хотят быть единственными хозяевами своего маленького сада, своего дома. Люди не хотят понять, что земля — это дом для всех. Мы должны спасать все, что принадлежит старине, для тех, кто придет после нас. Не хочу, чтобы в старинном доме были современные жалюзи. Каждый раз, когда я затеваю

что-то новое, это кажется необычным, странным только потому, что раньше так никто не делал. Но постепенно люди привыкают к мысли, что это хорошо, интересно, как, например, попробовать первый раз спагетти. Когда Андрей Тарковский приехал ко мне работать над сценарием «Ностальгии», то полюбил спагетти только через три месяца жизни в Италии. Людям приходится переваривать постепенно, как спагетти, новые мысли и идеи.

Я бы многое хотел сохранить из того натурального, что нас окружает, чтобы складывалось ощущение, что здесь живет детство мира. Верю, что в каждом из нас в глубине души живет память наших предков и то ощущение искренности и чистоты, которое владело нами, когда мы были детьми.

Тонино, например, борется с лавочниками, владельцами автомашин, чтобы они не ставили их на главной площади родного Сантарканджело, потому что считает, что это лучшее место в городе для свиданий влюбленных.

— Почему жизнь в России так тяжела, негармонична?

— Россия — огромная. Неестественно огромная. Ваша земля мало приспособлена к тому, чтобы переносить долгую зиму. Много месяцев люди живут, отрезанные от внешнего мира. Это проблема. Очень трудно донести через огромные расстояния до каждой души всю нежность и поэзию. Я испытываю огромную любовь к России. В моем сердце Москва. И грусть Петербурга... В создание этого прекрасного города вложили свой труд и сердце и итальянские мастера, архитекторы и художники. Трудно сравнивать маленькую Италию и великую Россию. Однако хочу напомнить, что минимум два раза история человечества исходила из Италии. Первый раз — Древнеримская цивилизация, и второй — Возрождение. До XV века Флоренция была центром мира. В течение многих веков здесь потихоньку формировались условия для развития гармоничного отношения человека к природе. У нас нет полезных ископаемых. Поэтому мы должны были совершенствоваться в производстве хорошего вина, выращивании великолепных фруктов, сыров, строительстве удобных и прекрасных домов, уважении и любви ко всему, что ты делаешь. Я всегда говорю русским туристам, которые приезжают в Италию: легко говорить «прекрасный Рим», «прекрасная Венеция», поезжайте лучше в маленькую итальянскую деревню. Посмотрите, как устроены наши дома, сколько в них ванн и комнат, как возделывается земля, как могут итальянцы выращивать фрукты и делать вино. Главный признак, достижение цивилизации — это канализация.

— Есть ли в вашей жизни что-то, о чем вы мечтали, но не смогли реализовать?

— Например, мне очень жаль, что я не стал пианистом. У меня есть слух. После освобождения из нацистского концлагеря в конце войны, я дирижировал оркестром, не зная ни одной ноты. В молодости я танцевал степ почти так же, как Фред Астер. Мне кажется, что с помощью фортепиано я смог бы лучше выразить чувства, которые меня переполняют. Я счастлив, что мои мечты о музыке нашли воплощение в моем сыне. Он — пианист, композитор. Пишет музыку для кино. Знает, жизнь прожита не зря.

Елена КАРАКОЛЕВА.
Пенабилле-Москва.

